

6. Кронгауз М. Цикл лекций «Семантический потенциал слова: трудные случаи полисемии» (лекция 4). [Электронный ресурс]/ Сибирский федеральный ун-т. [Красноярск 2013]. URL: <http://tube.sfu-kras.ru/video/1655?playlist=1651> (дата обращения: 10.06.2014).

7. Национальный корпус русского языка. // URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.05.2014).

8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 1988.

9. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики: Дис. ... докт. филолог. наук. – М., 2005.

10. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980.

11. Синявская О.Е. Русские дореволюционные неймы в лингвистическом и нейролингвистическом аспектах // Мовні і концептуальні картини світу: наукове видання: [збірник] / Київ.нац. ун-т ім. Т. Шевченка, Б-ка Ін-ту філології. Київ, 2013. Вип. 46, ч. 3. – С. 389–401.

12. Химик В.В. Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования // Новые явления в славянском словообразовании. – М., 2010. – С. 376–388.

13. Шмелева Т.В. Диминутив как экспрессивное средство // Речевое общение и вопросы экологии русского языка. – Красноярск, 2009. – С. 357–370.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

М.Н. Новиков, А.М. Новикова

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, ба. Москва, Россия, 117198*

В работе анализируется функция сослагательного наклонения применительно к историческому процессу. На материале условно-следственных отношений, выражаемых в русском языке, рассматриваются закономерности реальных исторических событий в сравнении с их альтернативными возможностями.

Ключевые слова: семантические отношения, сослагательное наклонение, смута, историческая альтернатива.

SEMANTIC ASPECT OF THE SUBJUNCTIVE MOOD IN THE HISTORICAL CONTEXT

M.N. Novikov, A.M. Novikova

*Russian University of Peoples' Friendship
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

The function of a conjunctive mood is analyzed in work with reference to historical process. The real historical event regularities are carried out in comparison with its alternative opportunities on a material of the conditional-evidence relations expressed in Russian language.

Keywords: semantic relations, subjunctive mood, distemper, historical alternative.

Наклонение в языкознании – грамматическая категория глагола, указывающая на соответствие семантической категории модальности. Сослагательное наклонение представляет собой действие, выраженное глаголом, не как реальное, а как желаемое, предполагаемое, возможное (или невозможное), которое могло бы произойти при выполнении определенных условий. Предметом нашего исследования является семантический аспект сослагательного наклонения применительно к изучению «истории сейчас» через изучение истории «если бы».

Так, сегодня термин «смутное время», «смута» соответствует словоупотреблению не только эпохи Ивана Грозного, но и постсоветскому периоду, который многие обществоведы называют «смутой». Среди значений слова «смута», приводимых В.И. Далем, мы встречаем «восстание, мятеж, общее неповиновение, раздор меж народом и властью». В тот период все пришло в движение, размыты контуры людей и событий, с невероятной быстротой менялись цари, вчерашние союзники расходятся по враждебным лагерям, переплетаются сложнейшим образом разнообразные противоречия.

Вместе с тем такой динамичный период был весьма богат не только яркими и драматическими событиями, но и разнообразными историческими альтернативами развития Московского царства, обогащая понятийный и языковой компонент в изучении россий-

ской истории. Современный историк Владимир Кобрин справедливо, на наш взгляд, назвал смутное время «временем утраченных возможностей». Следует признать неубедительным сложившийся в историографии стереотип, будто то, что случилось, «должно было» случиться именно так, и что «история не имеет сослагательного наклонения» – подтверждается многочисленными фактами.

О соотношении реальной истории с ее утраченными альтернативными возможностями думали и писали наши выдающиеся соотечественники: П.Я. Чаадаев, С.Ф. Платонов, Д.С. Лихачев, известный ученый-филолог Ю.М. Лотман.

В работе Юрия Михайловича Лотмана «Механизм смуты. К типологии истории русской культуры» (Всемирное слово. 2010. № 6) подчеркивается, что у каждого исторического события возникает «целый пучок потенциальных возможных продолжений». Последующий исторический процесс, по его мнению, как бы осуществляет отбор: определенные тенденции подавляются, другие – получают дальнейшее развитие [10, с. 6].

Если учитывать эти процессы, то станет очевидным, что историк должен изучать не только сложившийся облик событий, но и потенциально возможные пути, оставшиеся нереализованными. Эта методологическая посылка дает нам право говорить о «сослагательном наклонении» не только в языкознании как науке, но и в истории. В этом смысле замечательной и убедительной иллюстрацией является Новгородская средневековая республика во времена смуты.

По мнению историков, Новгород известен с середины IX века. В это время племена, жившие вокруг озера Ильмень, призвали скандинавский клан во главе с Рюриком служить у них наемниками. Клан Рюрика возглавлял армию, собирал налоги и осуществлял правосудие [16, с. 69].

Высшая политическая власть принадлежала обществу в целом, что подчеркивалось величественным титулом города «Господин Государь Великий Новгород» [9, с. 146]. Новгородцы относились к князю Владимиру как первому среди равных русских князей, но никогда не считали себя его вассалами [11, с.146]. С самого начала отличительными чертами Новгородской республики были этническое многообразие и конфедеративная система управления [3, с. 146].

Власть князей имела значительные ограничения, и историков удивляет, зачем они были нужны Новгороду вообще. Город, когда это было нужно, видимо, прекрасно обходился и без них, и, кажется, некоторое время горожане подумывали об отмене княжеского правления (жители самого восточного поселения, Вятки, в конце концов так и сделали [15, с. 259]). Однако полный отказ от княжеского стола серьезно дестабилизировал бы новгородскую политическую систему, в которой тщательно уравнивались интересы богатых и знатных родов, церкви и населения в целом [2, с. 135]. Такая система «сдержек и противовесов», говоря современным языком, считалась ключевой для сохранения независимости республики и традиции участия граждан в управлении.

Еще одной новгородской традицией, связанной с политической системой, было общенародное избрание духовенства. В средневековом Новгороде священники и население называли кандидатов на высшие церковные должности через местные вече. Имена трех самых популярных кандидатов помещались в урну, и победителя выбирал слепой («перст Божий»). При выборах епископа результаты должны были быть подтверждены городским вече, и только после этого кандидат направлялся для рукоположения к митрополиту в Москву [5, с. 2-19].

Новгород раньше Москвы соприкоснувшись с европейской культурой, играл центральную роль в распространении на Руси изучения латыни [13, с. 68]. Первый перевод Библии на русский язык и первая русская энциклопедия появились в Новгороде [1, с. 9]. Первая в России Греко-славянская академия была открыта в Новгороде в 1706 г. двумя выпускниками университета Падуи. В дополнение к семинарскому образованию она готовила учителей для первых в стране 14 гимназий [4, с. 12]. Все эти тенденции привели некоторых историков к мысли о том что, если бы Новгород избежал присоединения к Москве, Россия открылась бы для Запада значительно раньше.

Опасаясь, что Новгород станет соперником Москвы, в 1570 г. Иван Грозный совершил внезапный набег на город. В течение трех дней он убил более трех тысяч человек, в основном знать и духовенство, выслал 40 знатных семей в Москву и упразднил все выборные должности в купеческих гильдиях [6, с. 105].

Глубоко укоренившаяся идея самоуправления пережила даже этот удар со стороны царя. В XVII в. уличные выборы, выборы городского главы и даже городские собрания (которые теперь назывались «земская изба») постепенно заменили московскую административную систему [14, с. 41-42]. Известный историк Зимин отмечает, что Новгород даже сохранил свою собственную финансовую и денежную систему [8, с. 8, 108]. Почти два столетия спустя после вынужденного подчинения Москве, как отмечают историки, новгородцы высказывали острую неприязнь к московским обычаям, и жаловались, что москвичи «не понимают обычаи новгородские» [7, с. 11]. Поэтому неудивительно, что при первой возможности – шведском вторжении 1611 г. – Новгород пожелал отделиться от Москвы и приветствовал захватчиков.

Оглядываясь на историю Новгорода, можно сказать, что хотя в Новгородской республике не было демократии в современном смысле этого слова, для средневековья простые люди в ней обладали удивительно большим правом на участие в делах власти. Косвенным подтверждением этого высокого уровня гражданского участия является почти тысяча средневековых берестяных грамот, найденных при раскопках в городе [17, с. 166].

С возвышением Московского государства и упадком Новгорода альтернативный путь развития, воплощением которого Новгород когда-то был, стал выглядеть как далекий мираж. Почти все историки XIX в. рассматривали историю Новгорода как рассказ-предостережение о хрупкости свободы. Даже Николай Костомаров, известный историк «северорусского народоправства», с огромным сожалением отметил, что превращение России в современное государство потребовало принесения свободы в жертву на алтарь национального единства [12, с. 13]. В 1998г. в главном российском академическом журнале «Вестник Российской академии наук» была опубликована полемическая статья под названием «Если бы в конце XVв. Новгород одержал победу над Москвой?» [4, с. 11].

Автор, заслуженный специалист по славянским языкам из Венского университета Александр Исаченко, категорически отвергает аргументы о том, что Москва была хоть в чем-то более прогрессивной, чем Новгород. Сравнительную отсталость России в области науки, культуры, финансов и права, считает он, можно

прямо отнести к «активно-реакционному духу», царившему в Москве [4, с. 11]. В Новгороде же, напротив, развитая внешняя торговля, отсутствие угрозы набегов степных народов, а также передовое вооружение и дипломатические стратегии, развившиеся под влиянием взаимоотношений с Тевтонским орденом, заложили фундамент прагматичной и гибкой политической системы.

Исаченко утверждает, что культурные, лингвистические и иконографические элементы новгородской культуры напрямую связаны с западнославянскими традициями Моравии и Богемии. Предвосхищая аргумент, выдвинутый впоследствии археологом Валентином Яниным, он также утверждал, что Новгород был более развит, чем Киев, с точки зрения его правовой традиции, языка торговли и светского языка. Если бы развитие Новгорода не было прервано, современный русский литературный язык появился бы в нем гораздо раньше, чем в Москве. В заключение он пишет: «Москва с ее ультрареакционным изоляционизмом была неспособна превратить полуазиатское государство в европейскую державу... Но если допустить, что руководящей силой на Руси еще в XV в. мог стать Новгород вместо Москвы, то и пресловутое «окно» [С.-Петербург, «окно в Европу» Петра Великого] оказалось бы излишним: ведь дверь в Европу через Новгород была бы открыта настежь».

Известнейший российский археолог, специализирующийся на средних веках, Валентин Янин, считал, что Новгород имеет более веские доводы считать себя предтечей сегодняшней России, чем Киев, потому что, в то время как Москва унаследовала свою республиканскую форму правления от Киевской Руси, Новгород сохранил политический плюрализм и прочные торговые связи с Западом.

Тема Новгорода поднималась в последние годы многими исследователями. Известный ученый и общественный деятель Дмитрий Лихачев писал, что чувства потомков древнего Новгорода за свою историю заставляли их считать себя скорее частью «Скандо-славии», чем Евразии [8, с. 113-114]. Популярные писатели и публицисты также стали подчеркивать политическое значение Новгорода для сегодняшнего дня. В дискуссионной публикации «Царь Борис и падение Золотой (Советской) Орды» популярный политический обозреватель Геннадий Лисичкин пишет, что Россия

сбилась с пути не в 1917, а в 1478 г. и коммунизм стал результатом централизации, а не наоборот [7, с. 164].

Все развитие России сложилось бы совершенно иначе, если бы в конце XV в. Новгород, а не Москва, оказался руководящей, главенствующей силой объединяемой страны. И такая возможность реально существовала.

Новгород XV в. был почти что европейским городом, не знавшим ни коррупции, вызванной в оккупированной части страны татарщиной, ни жуткой азиатчины московского великокняжеского и боярского быта. Опираясь на древнюю республиканско-демократическую традицию, поддерживая самые живые торговые и политические отношения со странами Запада, Новгород во главе объединенной Руси не допустил бы рокового изолирования страны от духовного и технического прогресса Европы эпохи Возрождения. Идеи гуманизма, идеи Реформации не остановились бы на границах Польши и глубоко изменили бы облик отсталой Московитии, приобщая страну к главным источникам европейской мысли. Весьма вероятно, что под влиянием Реформации в Новгороде появился бы первый перевод Библии не на почти что заумный древнеболгарский, а живой русский язык.

Реакционная деятельность балканских эмигрантов, тянувших Москву вспять Византии, не нашла бы себе почвы в условиях европеизации, истинная литература (а не только письменность) на русском языке появилась бы на два с половиной века раньше, и сам литературный язык отразил бы в себе не только шамканье московской просвирни, сколько язык просвещенных новгородцев. Литературный язык развивался бы не в оранжерейных условиях славянщины, не в затхлой среде малокультурного духовенства, а в демократической среде свободного города, духовно открытого на Запад, как и на Восток.

Различные сюжеты смуты – лишь одна из нитей в обширном пучке возможностей [10, с. 7]. Мы не видим оснований не соглашаться с этим мнением. Тем более, что о соотношении реальной истории с ее утраченными возможностями думал и писал выдающийся соотечественник П.Я. Чаадаев. С.Ф. Платонов в изданной им в 1923 г. книге «Смутное время. Очерки истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII вв.» предпослал анализу Смуты типологическое сопоставле-

ние «московского» и «новгородского» путей России. И хотя выводы, к которым приходил историк, были иными, чем у А.В. Исаченко, сам характер научного мышления сопоставим.

В качестве версии в историческом пути России нам представляется, что Смуты сыграли существенную роль с точки зрения осуществления тех альтернатив, которые сулили более благоприятный для страны ход событий, где государственный успех, престиж, влияние, стабильность, отсутствие периодически повторяющегося геополитического одиночества сочетались бы со свободой как надежной защищенностью личности, прав и собственности граждан.

А для этого необходимо демонстрировать не самодовольство, как в средневековые фантазии о «Третьем Риме», а настойчивое, мощное и долговременное солидарное усилие общества и государства, если нас не устраивает бесконечное блуждание по одной и той же исторической колее, игнорируя важнейшие элементы «сослагательного наклонения» в развитии современной истории России.

Гражданский вариант развития России реализуется необычайно противоречиво и с постоянными социально-экономическими отклонениями от европейских тенденций. Не хочется соглашаться с горькой констатацией выдающегося мыслителя П.Я. Чаадаева: «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно.» [17, с. 330]. Поэтому в заключении на наш взгляд уместно краткое пожелание Михаила Прусака: «Будущее за теми странами, кто заглянет глубже в историю» [12, с. 1].

Таким образом, проведенное исследование показало, что сослагательное наклонение полностью применимо к историческому процессу и не является одноплановым. Наши знания и анализ событий способны подразделять это пространство на возможные варианты. Сослагательное наклонение вывело нас на проблему существования целого ряда возможностей, открывая перспективу более глубокого анализа исторических альтернатив на материале выражаемых в языке условно-следственных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варенцов В.А. Структура управления Новгородом в XVI веке // Вест. Новгород. гос. ун-та; Сер. «Гуманитарные науки», 1996, май.
2. Григорьева А. Из истории идеи ренессансного гуманизма в новгородской культуре XVI-XVIII вв. // В. Андреев. Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 11-13 ноября, 1998. – Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого, 1998.
3. Дубов И.В., Фроянов И.Я. Проблемы истории Северо-Запада Руси. – СПб, 1995.
4. Исаченко А. «Если бы в конце XVв. Новгород одержал победу над Москвой?» // Вестник Рос. акад. наук. 1998, № 68.
5. Коварская С.А. Духовно-образовательные традиции в социодинамике культуры Великого Новгорода // Вестник НГУ им. Ярослава Мудрого Сер. «Гуманитарные науки». 2000, №16 (ноябрь).
6. Крысько В.Б. Без гнева и пристрастия // Вестник Рос. акад. наук. 1999, №69.
7. Лисичкин Г. Есть ли будущее у России – М., 1996.
8. Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя... // Новый мир. Июнь, 1994.
9. Лихачев Д.С. Раздумья о России – СПб, 2001.
10. Лотман Ю. Механизм смуты. К типологии истории русской культуры (Всемирное слово. 2010. №6).
11. Мартышин О.В. Вольный Новгород: общественно-политический строй и право феодальной республики. – М., 1992.
12. Прусак М. Видные экономисты, государственные и общественные деятели о событиях последних лет // Российское предпринимательство: история и возрождение. – М., Русское деловое агентство, 1997.
13. Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода – М., 1994.
14. Супрун В.И. Смелый эксперимент // Вестник Рос. акад. наук. 1999, №69.
15. Филатов С., Лункин Р. Другая Святая Русь // Дружба народов. 2001, №5.
16. Фроянов И.Ю. Мятежный Новгород: очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца XIX – начала XIII столетия – СПб, 1992.
17. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. – М., 1991.